

УДК 821.161.1.09 – 2+929 Гоголь

ФОРМЫ ПРИСУТСТВИЯ АВТОРА В «ИГРОКАХ» Н.В. ГОГОЛЯ

У. А. Копенкина

Саратовский государственный университет
E-mail: institut.name@yandex.ru

В статье описываются преднамеренные и непреднамеренные формы авторского присутствия в комедии Гоголя «Игроки», показывается связь авторского замысла данной одноактной пьесы с комедиями «Ревизор» и «Женитьба».

Ключевые слова: автор в драме, формы авторского присутствия, драматургия Гоголя, «Игроки».

The Forms of the Author's Presence in «Players» by N.V. Gogol

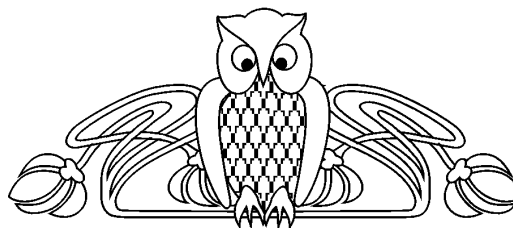
U. A. Kopenkina

In the article the intentional and unintentional forms of the author's presence in Gogol's comedy «Players» are described; the correlation of the author's intention in this single act play with the comedies «Revisor» and «Marriage».

Key words: author in the drama, forms of the author's presence, Gogol's drama, «Players».

«Большие» комедии Гоголя «Ревизор» и «Женитьба» многое сближает в отношении форм осознанного авторского присутствия¹. Палитра этих форм весьма широка; в большинстве своем они обнаруживают стремление автора к тому, чтобы читатель-зритель почувствовал себя на месте героев, «сроднился» с ними, а затем, благодаря финальному потрясению от «неоправдания ожиданий», неотвратимо пришел к саморевизии, где ревизором выступит его собственная совесть.

Указанное стремление Гоголя явственно обнаруживается и в его одноактной пьесе «Игроки». Е.Г. Падерина, сопоставляя комедии «Ревизор» и «Игроки», отмечает, что на одноактной пьесе сказалось влияние «таких значимых для автора процессов, как осмысление премьеры “Ревизора” <...> обдумывание и воплощение в “Театральном разезде” эстетического кредо комедиографа»². В «Игроках», по мнению Е.Г. Падериной, мы встречаем метафорически выраженное обращение автора «Ревизора» к зрителю (читателю); роли Хлестакова и Утешительного призваны, в идеале, разбудить самознание героя и зрителя. Исследовательница делает вывод о том, что «авторское ощущение неисчерпанности в зрительском восприятии сюжетной глубины “Ревизора” и необходимости это восприятие направить к поиску авторской мысли <...> нашло выход в тесной сюжетной спаянности с “Ревизором” одноактной “комической сцены” “Игроки”»³.

Постараемся подробнее рассмотреть те способы, которыми драматург, почти лишенный «права голоса» (в отличие от авторов эпических и лирических произведений), обнаруживает свое присутствие, свой замысел, во многом общий для всех его пьес, в комедии «Игроки». Исследователи отмечали переключки законченных Гоголем «Игроков» – относительно как интриги, так и сюжета – со знакомым на тот момент российской публике «Ревизором». В частности, Е.Г. Падерина проводит аргументированные параллели между Хлестаковым и Утешительным, а также между Городничим и Ихаревым. Но авторское присутствие, во-первых, может обнаруживаться и во множестве других элементов пьесы, а во-вторых, не всегда является преднамеренным и отчетливо осознанным самим драматургом. Ряд форм неосознанного присутствия автора в пьесе «Игроки» также может быть обнаружен.

Осознанные формы присутствия автора. Сам замысел «Игроков», *общая концепция* этой драматической сцены, пожалуй, наиболее соответствует гоголевской озорной, любящей мистификации натуре. Не случайно в заметке, связанной с размышлениями над вопросами комедии и датированной концом 1832 – началом 1833 г., он сопоставляет комедийную интригу с ситуацией, часто возникающей в карточной игре: «Старое правило: уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанно<го> предмета на огромное расстояние. Как игра в накидку и вооб<ще> азартная игра»⁴. Отмеченное Гоголем как характерная особенность комедий «внезапное или неожиданное открытие, дающее вдруг всему делу новый оборот или озарившее его новым светом»⁵ было воплощено им в собственных драматургических произведениях – в «Ревизоре» это разоблачение Хлестакова и неожиданный приезд в финале пьесы настоящего ревизора, в «Женитьбе» – неожиданный прыжок Подколесина в окно; но наиболее яркое «неожиданное открытие», озарившее все дело «новым светом», присутствует именно в «Игроках», так как там разыгранными оказываются не только герои, но и читатели (зрители) пьесы.

Гоголя можно назвать «мастером катарсиса», основывающим свои передовые «общественные комедии» на прочном фундаменте до-

стижений поэтики античности. Благодаря своей неожиданной для читателей и зрителей развязке именно «Игроки» стали наиболее действенным инструментом для достижения авторского замысла в области комедии.

Конфликт пьесы также до крайности обостряется ее финалом. Как два зеркала, поставленные друг напротив друга, порождают бесконечный коридор отражений, так и две группы противостоящих друг другу шулеров (шайка Утешительного и обманутый ими, прозревший лишь в самом конце Ихарев) порождают бесконечную цепь злости и обмана. «Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! <...> Тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует!»⁶, – в испуге подводит неутешительный (не-Утешительный?) итог Ихарев. Трагизм мироустройства, где все выступают против всех и ни в чем нельзя быть уверенным, можно преодолеть лишь осознанным усилием прервать порочный круг, прекратить «дьявольский обман». Обратим внимание, что в пьесе присутствует имеющий собственное имя «образ обмана» – созданная шулером колода карт Аделаида Ивановна. Потому описанный автором в последнем явлении экспрессивный жест Ихарева («Схватывает Аделаиду Ивановну и швыряет ею в дверь»⁷), сопровождаемый ритуальным восклицанием («Чорт поberi Аделаиду Ивановну!»⁸), представляется нам весьма важным. Возможно, герой, разгорячившись, не сознает, что делает, и потом скорее всего бросится подбирать с пола воплощение «почти полугода трудов». Но автор не вводит это в финальную сцену; он показывает в финале пьесы именно «обвинение» колоды-«персонажа» и избавление от ее присутствия и власти, тем самым внушая зрителям и читателям мысль о способности инициировать прерывание порочного круга зла и обмана.

В отмеченной В.В. Прозоровым особенности *заглавий* гоголевских пьес («В “Женитьбе” в самом деле не происходит женитьбы, как в “Ревизоре” на сцене так и не появляется ревизор, а в “Игроках” все, как на подбор, оказываются изощренными мошенниками»⁹) явно обнаруживает себя авторская воля – благодаря подобной мистификации читателей и зрителей воздействие на них комедий усиливается (к чему и стремится Гоголь). Обратим также внимание на то, что заглавие «Игроки», помимо мистификации читателей, указывает на определенную точку зрения. На чью же? С точки зрения честных игроков, шулеров игроками назвать нельзя. Но с точки зрения самих шулеров, они занимаются вполне достойным промыслом, не чуждым высот науки, техники и искусства: недаром автором введен в пьесу целый эпизод, где Швохнев рассказывает о шулерских способностях «мальчика одиннадцати лет», которые вызывают у мошенников искренне восхищение. Таким образом, автор

словно бы предоставляет поначалу персонажам право самим «назвать», определить себя. Тем сильнее в результате воздействие развязки, когда поступком прозревшего Ихарева автор выносит суровый и справедливый приговор шулерству и обману – они, «в лице» Аделаиды Ивановны, изгоняются и посылаются к своему источнику – к «чорту».

Автор предпосылает рассматриваемой нами сцене *эпиграф* – «Дела давно минувших дней». Он многозначен. Во-первых, К.М. Захаровым справедливо отмечена гоголевская ирония – отнюдь не давно минувших дней дела описываются в «Игроках», а дела самые что ни есть злободневные. С другой стороны, описывая в комедии какие бы то ни было актуальные грешки и грехи, автор был вынужден остерегаться цензуры – особенно учитывая разноречивые толки, поднявшиеся в связи с выходом «Ревизора». Подобный эпиграф, вероятно, был способен смягчить суровый взгляд цензора. Наконец, подчеркнем, что данный эпиграф является цитатой из пьесы А.С. Пушкина «Борис Годунов». С учетом того, что именно Пушкин являлся для Гоголя не только непререкаемым авторитетом, но и «идеальным читателем»¹⁰, подобный выбор эпиграфа преследует, на наш взгляд, еще одну цель – «вписать» комедию в парадигму пушкинских произведений и вместе с тем указать читателю желаемый автором «способ прочтения» ее: по-пушкински честно и открыто, весело, без ханжества посмеяться над тем, что высмеивает автор (вспомним свидетельство современника, что Пушкин «катался от смеха» на чтении «Ревизора»), а также, не отвергая произведение из-за его новаторских черт, ответственно осмыслить то серьезное, что автор вкладывает в свой текст.

В «Игроках» Гоголь, на наш взгляд, использует своеобразный «минус-прием», если воспользоваться термином Ю.М. Лотмана¹¹, – он осознанно исключает *список действующих лиц* из пьесы. Это происходит в соответствии с авторским замыслом – на протяжении всей пьесы держать читателей, наравне с Ихаревым, в неведении относительно того, кто перед ними, одновременно поддерживая у них иллюзию «всезнания». Примечательно, что в «Игроках» почти нет и *реплик в сторону* – мы полагаем, что и здесь автор использует «минус-прием», благодаря которому у читателей и зрителей поддерживается обманчивое впечатление, что им и объяснять-то нечего – ведь они понимают «всю подноготную» происходящего.

Обратив внимание на *имена персонажей*, можно заметить, как удачно автором выбрана фамилия главного героя пьесы. «Ихарев» – тут слышится и «ухарство», и междометие «эх», и имя античного мифологического персонажа Икара. Примечательно, что судьба Ихарева, в сущности, повторяет судьбу Икара: стремление

подняться как можно выше, питаемое чрезмерной самоуверенностью, но в итоге – наказание судьбы и падение.

Обманчива, как и он сам, фамилия главного персонажа из противостоящей Ихареву шайки (Утешительный). Из остальных героев обращает на себя внимание «чиновник Замухрышкин», превращением имени которого уделено особое место в пьесе. Как отмечает И.Д. Таумов, «замена имени здесь не только способ обмана <...> но и осознанный авторский прием»¹². По мнению исследователя, эпизоды с угадыванием и перекириванием имен, встречающиеся в «Лакейской», «Женитьбе», «Игроках», показывают, что «одной из главных авторских стратегий в наименовании героев комедии становится реализация идеи глубокого кризиса человеческих отношений в описываемом мире»¹³.

Система ремарок в «Игроках» также вписывает данную драматическую сцену в «единое драматургическое поле» гоголевских произведений. Как в «Ревизоре», в «Женитьбе», так и в «Игроках» автор посредством ремарок включает в пьесу зеркало, а вместе с ним и подсказку читателю и зрителю: «Оборотись на себя». В рассматриваемой нами пьесе ремарка о зеркале встречается в 7-ом явлении, причем сразу после фраз Ихарева: «Эх, хотелось бы мне их обчистить! Господи Боже, как бы хотелось! Как подумаешь, право, сердце бьется». И следом – прямое авторское слово-совет и слово-подсказка: «*Берет щетку, мыло, садится перед зеркалом и начинает бриться*»¹⁴. Нечестные намерения Ихарева, высказанные им, зеркально отражаются в намерениях Утешительного и его шайки, о чем внимательный читатель может догадаться благодаря как этой ремарке, так и другим авторским подсказкам, разбросанным по тексту и отмечавшимся различными исследователями. В целом ремарки в «Игроках» не менее выразительны, чем в «больших» гоголевских пьесах, где они представляют собой продуманную, тщательно и любовно выписанную автором динамическую партитуру ролей. В рассматриваемой драматической сцене весьма выразительно и продолжительно описаны сцена бритья Ихарева перед зеркалом, продолжающаяся все 7-е явление, а также сцены игры в карты (8-е и 16-е явления).

Еще один излюбленный гоголевский прием – введение в текст пьес огромного числа *внесценических персонажей*. Это мы наблюдаем и в «Игроках». По нашим подсчетам, в одноактной пьесе выведено не менее полусотни подобных персонажей. Отличительная их особенность – миражность, ведь встречаются они в рассказах шулеров (как, например, дочь Глова-старшего, которую тот якобы выдает замуж – хотя, как выясняется в заключительном явлении, на самом деле «он и не отец, да и чорт ли и будут от него дети»¹⁵). Вместе с Ихаревым, одуроченным,

одурманенным всем сонмом этих внесценических миражей, оказывается и читатель-зритель – в полном соответствии с авторским замыслом.

В некотором смысле миражен и *хронотоп* пьесы. Все происходящее разворачивается в обыкновенном трактире (как и во II действии «Ревизора»), однако время действия «формально загадочное» – вновь вспомним эпиграф: «Дела давно минувших дней». К.М. Захаров включает разнообразные противоречия, явленные в хронотопе гоголевских пьес, в число видов *авторской игры*, которую подробно рассматривает в своем исследовании «Мотивы игры в драматургии Гоголя»¹⁶. Об особо значимой роли авторской игры именно в «Игроках» мы уже говорили применительно к общей концепции данной пьесы.

Неосознанные формы присутствия автора в драме вычленил гораздо сложнее. Они не столь легко поддаются определению. К неосознанным, непреднамеренным формам авторского присутствия в драме мы отнесем, прежде всего, проявление авторского начала в характерах героев. Оно может быть явлено, во-первых, в *отчетливых индивидуальных психологических приметах персонажей* и, во-вторых, в *скрытых чертах их характера*.

Все персонажи «Игроков» имеют качество, их объединяющее: они мистификаторы, каким был и Гоголь. Лишь слуг в этой пьесе можно было бы исключить из числа мистификаторов – но и они за вознаграждение всегда готовы принять участие в обмане. Обратим внимание на выразительность заключительной фразы монолога Ихарева в 23-ем явлении: «Этак прожить, как дурак проживет, это не штука, но прожить с тонкостью, с искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому – вот настоящая задача и цель»¹⁷. В этот момент Ихарев, простоудушно высказывающий свои убеждения, искренен и бескорыстен. Он мечтает не о богатстве, которое можно приобрести обманом, – он хочет «с образованным человеком поговорить!» Подобно молодому Гоголю, мечтающему о Петербурге и стремящемуся «исполнить долг просвещенного человека», Ихарев рисует себе заманчивые картины: «Посмотрю театр, монетный двор, пройду мимо дворца, по Аглицкой набережной, в Летнем саду»¹⁸. Герои мечтателя-Гоголя тоже часто самозабвенно мечтают, вспоминают о поразивших их видах и происшествиях, случившихся в любимых местах, – таков Осип в «Ревизоре», рассуждающий о «кеятрах», таков Гаврюшка в «Игроках»: «Эх, люблю походную жизнь! <...> Как подумаешь, что за житье господам на свете! куда хошь катый!»¹⁹ Ну как тут, вдобавок, не вспомнить вечную гоголевскую тягу к перемене мест? Герои пьес Гоголя многое «переняли» от автора. Хотя он и отмечал, что наделял своих героев «сверх их собственных гадостей, моей собственной дрянью»²⁰, речь

ведь далеко не всегда идёт о «дряни». Вероятно, в ряде случаев стоит говорить не о преднамеренной цели, а об органичной, неосознанной схожести «творений» с их автором – не обязательно в отрицательных приметах.

В *скрытых чертах характера* ряда персонажей Гоголя порой проявляются, напротив, неожиданное благородство души и жажда справедливости. Таков, например, Городничий в «Ревизоре», когда, захваченный врасплох известием Бобчинского и Добчинского о встрече в трактире «инкогнито», он думает не о грозящих ему санкциях, не о потере денег, а о том, каким *позором* является вся его деятельность градоначальника. В «Игроках» мы встречаем такую, на первый взгляд, неявную черту персонажей, как парадоксальная вера в закон и правосудие. Парадоксальна она потому, что присутствуя шулерам и мошенникам: «Закон! закон! закон призыву!» – в исступлении взывает Ихарев в заключительном явлении. – Вот погоди, переловят всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, как обманывать доверие и честность добродушных людей»²¹. Некоторая комичность данной ситуации – шулер обвиняет шулеров – не отменяет справедливости рассуждений Ихарева, который в этом монологе сближается с автором, сочетавшим в себе, как известно, большую долю лукавства с христианским благочестием и верой в авторитет закона и порядка.

Как мы смогли увидеть, формы авторского присутствия в «Игроках» весьма разнообразны. Несмотря на ограниченные в драматических произведениях возможности для выражения авторского слова, в данной пьесе автор проявляется на разных уровнях текста – от общей концепции до скрытых черт характера ряда героев.

Примечания

¹ Подробнее см.: Копенкина У. Преднамеренные формы авторского присутствия в «Женитьбе» Н.В. Гоголя // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. Т. 11, вып. 2. Саратов, 2011.

² Падерина Е. «Ревизор» и «Игроки». URL: http://www.gogol.ru/gogol/stati/revizor_i_igroki/ (дата обращения: 21.02.2011).

³ Там же.

⁴ Гоголь Н. Комед<ия>. Матер<иалы> общие // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 9: Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. С. 18–19.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Гоголь Н. Игроки // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 5 : Женитьба; Драматические отрывки и отдельные сцены. М.; Л., 1949. С. 100–101.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же.

⁹ Прозоров В. Прыжок в окно // Литературная учеба. 1994. № 5. С. 72.

¹⁰ О Пушкине как «идеальном читателе» Гоголя см.: Копенкина У. Неосознанные формы авторского присутствия в «Ревизоре» Н.В. Гоголя // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. Т. 11, вып. 1. Саратов, 2011.

¹¹ См.: Лотман Ю. Структура художественного текста // Лотман Ю. Об искусстве. СПб., 1998. С. 59.

¹² Таумов И. Заголовочный комплекс комедий Н.В. Гоголя в свете проблемы автора // Гоголевский сборник. Вып. 3(5) : материалы междунар. науч. конф. «Н.В. Гоголь и мировая культура», посвященной двухсотлетию со дня рождения Н.В. Гоголя. Самара, 29–31 мая 2009 г. СПб. ; Самара, 2009. С. 84.

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ Гоголь Н. Игроки. С. 68–69.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ См.: Захаров К. Мотивы игры в драматургии Гоголя : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.

¹⁷ Гоголь Н. Игроки. С. 98.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Гоголь Н. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 8: Статьи. 1952. С. 294.

²¹ Гоголь Н. Игроки. С. 100.